

Этнокультурное наследие среднеазиатской миграции на Южный Урал в 1942–1944 гг.

А. А. Авдашкин^{1,2*}

¹Институт гуманитарных исследований УрО РАН, г. Пермь, Россия

²Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. На основе материалов периодики и полевых интервью систематизировано этнокультурное наследие о среднеазиатских рабочих, прибывших в 1942–1944 гг. для работы на производственных объектах Челябинска и Копейска. В качестве источниковой базы привлечены глубинные интервью со старожилами (22) и экспертами в области истории экономики региона в 1940-е гг. (всего 5 интервью), а также фотографии трудмобилизованных, опубликованные в местной периодике. Установлено, что транслокальный подход позволяет рассматривать перемещения рабочих как вариант «советского транснационализма». Сделан вывод, что интервью старожилов, а также пресса формируют уникальный пласт этнокультурного наследия первой относительно массовой волны миграции из Среднеазиатского региона на Урал в XX в.

Ключевые слова: Средняя Азия, Южный Урал, Великая Отечественная война, трудмобилизованные, этнокультурное наследие, транслокальность.

Для цитирования: Авдашкин А. А. Этнокультурное наследие среднеазиатской миграции на Южный Урал в 1942–1944 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2026. Т. 56. С. 63–73. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.56.63>

Ethnocultural Heritage of Central Asian Labor Migration to the Southern Urals, 1942–1944

A. A. Avdashkin^{1,2*}

¹Institute for Humanities Research of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

²Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. During the Great Patriotic War, a significant contingent of laborers from the Central Asian Military District was mobilized to work at industrial enterprises in the Southern Urals. Unlike mobilized ethnic Germans, who remained in the region permanently and formed visible localities (the so-called “German quarter” in Chelyabinsk’s Metallurgical District, Lutheran and Catholic churches, and a memorial cemetery), Central Asian laborers began returning home as early as 1944. This article aims to systematize the memory of Central Asian laborers in Chelyabinsk and Kopeysk (1942–1944) by analyzing photographs from the newspaper “Kopeysk Worker” (1943–1944) and 22 in-depth interviews with long-term residents, supplemented by five expert interviews with historians of the Soviet economy. The theoretical framework draws on the concept of translocality, which allows us to see wartime mobility not as an isolated episode but as a process that maintained multiple connections between the Southern Urals and Central Asia even after the laborers returned home. The findings reveal a sharp divergence between oral memory and official discourse. Interviewees – both direct witnesses (born 1930–1931) and their descendants (born 1942–1963) – recall the Central Asian laborers through markers of difference: clothing (“Uzbek robes, belts, skullcaps”), language barriers (“muteness”), fear of mine work (“there is a shaitan underground”), bodily practices (exhaustion, scurvy), and informal exchanges (dried fruits for bread). In contrast, “Kopeysk Worker” constructed an idealized image: the teahouse (*chaykhana*) as a space of care, Stakhanovite heroes with names and faces, and the rhetoric of “fraternal unity” that masked real isolation. This divergence explains why no material traces of Central Asian laborers survived: they were treated as a temporary resource, and after their departure no stable diaspora or spatial markers emerged. The only remaining testimonies are the photographs in old newspaper issues and the fragmentary stories of the oldest generation. Thus, the photographs and oral accounts examined here constitute precisely such heritage – a scattered, non-material form that nonetheless carries social memory and makes visible a migration episode that would otherwise have been forgotten.

Keywords: Central Asia, Southern Urals, Great Patriotic War, labor mobilization, ethnocultural heritage, translocality.

For citation: Avdashkin A. A. Ethnocultural Heritage of Central Asian Labor Migration to the Southern Urals, 1942–1944. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2026, Vol. 56, pp. 63–73. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.56.63> (In Russ.)

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full author information.

Постановка проблемы

В годы Великой Отечественной войны для работы на предприятиях Южного Урала мобилизовали значительное количество трудовых ресурсов из Среднеазиатского военного округа. Однако в отличие от трудмобилизованных немцев представители этнических групп из Средней Азии на постоянное место жительства

в регионе не остались. Локаций или районов, маркированных соответствующим образом, тоже не возникло. Эта волна миграции практически не породила заметных материальных следов в этнокультурном ландшафте региона, а память об этом в значительной мере стерлась. К примеру, в Металлургическом районе г. Челябинска сохранился так называемый немецкий квартал, на местах лагерей построены лютеранская кирха и католический костел, есть мемориал на кладбище немцев-трудармейцев.

В литературе на основе архивных материалов подробно изучены масштабы миграции, охарактеризованы условия жизни и труда мобилизованных, установлены основные районы их размещения [см.: Шмыров, 2018; Голдман, Фильцер, 2023; Потемкина, Колдомасов, Жаркынбаева, 2025; Khan, 2006; Zharkynbayeva, 2021]. Поиск антропологических ракурсов проблемы трудовых мобилизаций из Среднеазиатского военного округа позволил перенести исследовательский фокус с анализа количественных показателей на неформальные внутригрупповые механизмы и иерархии – наличие бригадиров-переводчиков, выступавших посредниками между земляками и администрацией, роль чайхан как пространств повседневного общения. Особый интерес представляют проявления телесности и материальности в экстремальных условиях, стратегии экономии и поддержания реальных или символических связей с родиной [Веселкова, 2017; Авдашкин, 2023].

Однако познавательный потенциал фотографий в местной прессе и устной истории в полном объеме не реализован, хотя именно эти источники содержат не статистику, а антропологический предмет для осмысления, способны встроить эти свидетельства присутствия «других» в этнокультурное наследие региона. В современной этнологической науке этнокультурное наследие понимается как (не)материальные свидетельства пребывания этнической группы, которые признаются ценными как для носителей данной культуры, так и для общества в целом. Фотографии среднеазиатских рабочих в подшивках газет и воспоминания старожилов являются одними из таких свидетельств.

Хронологические рамки охватывают период пребывания в городах Челябинске и Копейске контингентов трудмобилизованных из Среднеазиатского военного округа: 1942–1944 гг. В этих двух городах находился заметный контингент рабочих, прибывших на заводы, стройки и угольные шахты. Цель статьи – на основе визуальных материалов местной прессы и полевых интервью систематизировать память о среднеазиатских рабочих, прибывших на Южный Урал в годы войны.

Материалы и методы

Источниковую базу составили выпуски газеты «Копейский рабочий» за 1943–1944 гг., глубинные интервью с 22 жителями Челябинска и Копейска, а также 5 экспертных интервью. Поскольку архивные документы по данной проблеме содержат в основном статистические сведения, акцент делался на полевых интервью и визуальном материале, опубликованном в периодике. Местная печать содержит не только официальные заметки о жизни рабочих, но и уникальный визуальный материал – фотографии трудмобилизованных. С одной стороны, это формировало официальный дискурс военного времени, но в то же время такие фотографии являются одним из немногих массовых визуальных свидетельств присутствия «других». В 2015–2025 гг. проведено 22 глубинных

неструктурированных интервью с представителями старшего поколения (1931–1962 г. р.), которые застали приезд контингентов трудмобилизованных из Средней Азии, помнили короткие рассказы о них старших родственников. Продолжительность интервью составила в среднем 40 минут. Информанты изложили результаты своей рефлексии по поводу трудовых мобилизаций «немцев и узбеков». Основной фокус делался на описаниях внешности, поведения, языковых барьеров, бытовых деталей и случаях взаимодействий в повседневной жизни. Важную группу источников составили интервью с экспертами – в основном это историки советской экономики (5 человек, из них 3 доктора исторических наук), которые изложили академическое видение тех процессов. Имена информантов заменены по согласованию с ними.

Методологическую основу рукописи образует транслокальная оптика, применение которой позволяет увидеть в перемещениях трудмобилизованных не просто эпизод тыловой повседневности, а процесс формирования и развития связей между регионами. Л. Сигельбаум и Л. Пейдж Мох [Siegelbaum, Moch, 2016] предлагали рассматривать эти связи как советский транснационализм – поддержание экономических, семейных и других эмоциональных связей через советские национальные границы. Масштабы перемещений тех лет и глубина культурных различий между двумя локальностями действительно превращали ситуацию в сопоставимую по сложности с международными миграциями. Факт массовых миграций и дальнейшие поездки трудмобилизованных в родные республики за теплой одеждой, продуктами, газетами и литературой на национальных языках, а также централизованная отправка этих грузов на Урал – все это образовывало прочные связи между отдаленными локальностями [см.: Потемкина, Колдомасов, Жаркынбаева, 2025]. Трудмобилизованные из Средней Азии квалифицируются как транслокальное сообщество, поскольку на короткий период их жизнь распределялась между городами Южного Урала и родными республиками, а полевые интервью и фотографии являются одним из подтверждений существования этого пространства [см.: Капустина, Борисова, 2021].

Контексты: две группы трудмобилизованных

В годы Великой Отечественной войны на Южный Урал в рамках трудовых мобилизаций прибыли две значительных по численности группы советских граждан – немцы [Гончаров, 2017] и преимущественно узбеки [Шмыров, 2018]. Чрезвычайно сложным выглядел этнический состав рабочих, мобилизованных в Средней Азии и Казахской ССР. На территории Челябинской области в 1943 г. он выглядел следующим образом: узбеки – 7500 чел., казахи – 3280 чел., таджики – 3548 чел., киргизы – 1603 чел., туркмены – 1200 чел. и 2850 представителей других национальностей, всего 19 981 чел. [ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 7, д. 126, л. 38]. Перепись 1959 г. зафиксировала рост численности немецкого населения в Челябинской области. В свою очередь, устойчивые этнические сообщества узбеков, таджиков и киргизов в регионе длительное время не возникали (табл.).

Положение контингентов определяли не только их этнокультурные особенности, но и специфика правового положения. После войны немцы не имели права покидать регионы, куда их выселили. В г. Челябинске одним из наиболее «немецких» районов еще относительно недавно считался металлургический, поскольку там до начала 2000-х гг. концентрировались представители немецкой

этнической группы – из 10 тыс. немцев в г. Челябинске 3 тыс. зафиксированы на Челябинском металлургическом заводе (ЧМЗ). Кроме того, заметная доля немецкого населения была представлена в Коркино и Копейске [Национальный ... , 2005, с. 56–57]. В 1950–1980-е гг. в этих локациях и населенных пунктах сохранялись небольшие религиозные общины. Память о проживании немцев на Южном Урале поддерживается заметной численностью немецкой общности, передачей памяти о ней, наличием религиозных сооружений и институционализацией немецких национально-культурных обществ [Киссер, 2019]. Присутствие среднеазиатских рабочих не привело к появлению этнически маркированных городских пространств. Исключением стали рабочие общежития, специальные пункты питания и красные чайханы, но все эти локации практически сразу исчезли.

Таблица

Численность немцев и представителей этнических групп из Центральной Азии в Челябинской области в 1939–2010 гг. по данным переписи населения [Переписи населения ...]

Table

Number of Germans and representatives of ethnic groups from Central Asia in the Chelyabinsk Region in 1939–2010, according to the population census [Population censuses ...]

Этническая группа	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Немцы	6019	48 675	40 683	39 726	39 215	28 457	18 687
Узбеки	236	1807	1261	1536	3475	3057	6446
Таджики	30	231	396	697	870	5125	7375
Киргизы	1226	н/д	198	394	931	604	1410
Туркмены	35	н/д	109	350	382	258	260
Корейцы	291	449	404	412	463	959	905

Представители старших поколений, имевшие опыт повседневных контактов с трудмобилизованными, постепенно уходят из жизни, а их детям, внукам, региональному сообществу этот опыт не транслируется. Стоит отметить, что период Великой Отечественной войны табуирован в личных историях, поэтому многие сюжеты не становятся частью нарратива информантов о своей жизни, истории периода, города или региона. Однако сам факт массового, пусть и кратковременного, присутствия «других» остался в памяти современников и запечатлен в ряде фотографий, опубликованных в прессе.

Полевые данные о трудмобилизованных

Память о среднеазиатских рабочих на уральских шахтах, стройках и заводах носит фрагментарный характер. В первую очередь нас интересовали этнокультурные характеристики, которые маркируют трудмобилизованных именно как культурно отличительных. Информанты, говоря о трудмобилизованных, называли их немцами или узбеками. Последние выступали в качестве универсального маркера для обозначения всех прибывших из Среднеазиатского военного округа.

Большинство описаний начинались с одежды – «узбекские халаты, пояса, тюбетейки какие-то», ношение которых визуально выделяло прибывших на фоне местных жителей. С одной стороны, трудмобилизованные на предприятиях получали спецовки, но скудость и нерегулярность снабжения, быстрый износ выданного вещевого довольствия побуждали как можно дольше использовать все, что «было на них в момент приезда» [ПМА 1]. Резкая смена режима питания

привела к тому, что среди рабочих началась цинга. Это потребовало отправки на предприятия большого количества сухофруктов из республик Средней Азии, чтобы улучшить ситуацию. Когда в Копейск эти грузы прибывали, каждому рабочему выдавали небольшой мешочек изюма и кураги на месяц [ПМА 2]. Ряд интервью содержал свидетельства того, что трудмобилизованные нередко меняли свои спечовки или привезенные из родной республики сухофрукты на хлеб. Информанты не видели этого сами, чаще всего это становилось фигурой речи, поскольку многие взрослые родственники что-то выменивали на рынке у рабочих из Средней Азии. Интервьюируемый вспомнил случай, как узбек на улице предлагал ему после отоваривания хлебных карточек обменять изюм на хлеб, но он испугался быть обманутым или продешевить: «...родители потом достали немного сухофруктов, которые заказывали у себя в республиках рабочие узбеки» [ПМА 3]. Такой повседневный обмен наряду с сохранением экзотических предметов одежды служил для информантов свидетельством сохранения и воспроизводства транслокальной связи уральских городов и отдаленных уголков Средней Азии.

Характерная особенность, свойственная трудмобилизованным, – «немость», поскольку большинство не владело русским языком или понимало его только на элементарном бытовом уровне. Информанты рассказали несколько таких ситуаций. Например, в рабочей обстановке это приводило к непониманию правил техники безопасности, часто нарушало производственный процесс. Как отмечал Василий, его отец часто говорил о них как о «бестолковых», поскольку из-за незнания языка «технически сложные задания поручать было нельзя». Уровень образования и опыт преимущественно сельской жизни позволяли им выполнять только самую простую работу, поскольку было много случаев «попадания под поезд (мы один раз видели, как казахи попали под поезд, они не слышали ничего из-за работы и усталости), травм конечностей и глаз» [ПМА 4].

Как отметили наши эксперты, трудовая мобилизация происходила не организовано, «зачастую мужчин хватали прямо на базарах, не разбирая возраста и квалификации, а потом отправляли в эшелонах на Урал. Когда они прибыли на заводы, быстро стало понятно, что большинство видов работ им поручить нельзя – уровень образования низкий, производственной культуры как таковой не было, нередко эти люди ничего, кроме натурального хозяйства, вести не умели». Травматизм носил массовый характер, поскольку не работал механизм их интеграции в промышленное производство – об этом в тех экстремальных условиях не задумывались...». Трудмобилизованные в условиях лихолетья войны оказались в крайне неблагоприятном положении, что повлияло на их восприятие принимающей стороной. С одной стороны, эксперты отметили, что в архивных документах встречались случаи негативного к трудмобилизованным отношения со стороны местных жителей (побои, оскорбления, даже убийства на бытовой почве), но в то же время сами мигранты, оказавшись в критических условиях, отвечали агрессией, тихим саботажем. Случались побеги, намеренные доведения себя до истощения, чтобы добиться отправки домой, велись антисоветские разговоры [ОГАЧО. Ф. Р. 467, оп. 4, д. 863, л. 64, 66, 79].

Вот некоторые сведения о контингенте, работавшем в г. Копейске. Из прибывших на предприятия Наркомугля г. Копейска 4051 рабочего в январе – ноябре 1943 г. амбулаторное лечение прошли 2483 чел., умерли за этот период – 109 чел. Через медицинскую комиссию на родину отправили 794 чел. Кроме того,

в Копейском отделении НКВД зарегистрировали 6 убийств. Два эпизода связаны с ограблениями, еще два убийства произошли в ходе самосуда, когда местные жители застигли трудмобилизованных за кражей картофеля на личных огородах [ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 7, д. 126, л. 92].

На предприятиях угольной промышленности рабочие иногда боялись спускаться в шахту, объясняя это тем, что «под землей шайтан живет. Отец негодовал, как же с ними работать тогда» [ПМА 2]. Кроме того, отсутствие возможности объясняться на русском языке затрудняло оказание медицинской помощи, поскольку больные не могли нормально пожаловаться на свое состояние. Как отмечала информантка Мария, «...мама работала сестрой в медицинской части при шахтах, часто ее просили осмотреть узбеков. Разговор с переводчиком во время первичного осмотра значительно затруднял оказание помощи, первоначальный смысл фраз часто менялся, выходил “глухой телефон”» [ПМА 5]. В этих условиях «медицинский диагноз ставился неточно, это наносило ущерб здоровью не только самих этих людей, но и всех, кто с ними оказывался рядом – распространялись инфекционные заболевания. У них организм находился в истощенном состоянии...» [Там же].

Практически все информанты заостряли внимание на деталях, характеризующих нечистоплотность трудмобилизованных, неопрятность одежды и облика. Павел вспомнил, как мама достала для него немного кураги: «Я сразу начал ее есть, а она ударила меня по рукам, потом сказала, видел бы я, какие грязные руки были у того узбека, который ее продал» [ПМА 6]. В целом антисанитария, грязь на одежде и руках людей являлись важным контекстом воспоминаний о периоде войны, но представление о среднеазиатских рабочих было связано и с особыми запахами, зачастую неприятными. Вот пример: «ехала в трамвае, а вши ползали прямо людям, было видно на волосах, но казахи и узбеки жили очень плохо, от них постоянно противно пахло – у них не было возможности поддерживать гигиену» [ПМА 7].

Отметим, что в тяжелейших условиях трудмобилизованных воспринимали как людей очень вежливых, придерживающихся строгих моральных норм и правил взаимопомощи. Информанты подчеркивали, что они всегда уважительно относились к старшим и детям вне зависимости от национальности, никогда не грубили и не хамили (говорили друг другу «брат» независимо от национальности). Вот яркий пример: «...отец говорил, что они даже друг на друга никогда не повышали голос, всегда были очень спокойными. Меня поразил момент, когда молодые рабочие из кишлаков делили свои пайки с заболевшими старше них... Их когда спрашивали, для чего они так делают, отвечали, что дома ждет папа таких же лет и нельзя бросить в беде стариков – они говорили, что бог не простит. Для нас тогда смешно и дико было, что всерьез рассуждают об этом» [ПМА 4].

Еще одним ярким свидетельством присутствия трудмобилизованных в городах Южного Урала служат воспоминания о формировании языкового пространства для них. Помимо того, что среди рабочих выделялись переводчики, информанты рассказали, как родители иногда приносили с работы домой газеты, которые присылали на завод из национальных республик. Информант Юрий помнил, как мама принесла домой бумагу: «...мне ее очень нравилось разглядывать, там написано было все не на русском языке. Я спросил, почему не могу прочитать, мне тогда ответили, это из Таджикистана газета – она редкая.

Мне было жалко ее портить, попросил сохранить, но через несколько лет или в библиотеку отдали или краеведу какому-то, а может, в макулатуру сдали» [ПМА 8]. Как выяснилось, многие рабочие не умели читать, поэтому охотно отдавали после коллективной читки эти газеты в обмен на что-нибудь.

Полевые материалы демонстрируют как минимум два слоя представлений о среднеазиатских рабочих. Первый формируют информанты старшего поколения (1930–1931 г. р.), которые непосредственно застали этих людей, дали подробные описания их внешности («халаты, тибетейки»), поведения и охарактеризовали опыт контактов сторон (незнание языка, участие в обменах на толкучке). Второй слой – опосредованные представления, транслируемые потомками (1942–1963 г. р.). Они опирались на рассказы родителей или старших родственников, поэтому в этой группе интервью конкретику сгладили общие оценки (узбеки точно были, мы их уже не видели).

Разграничение фактов необходимо нам в том числе для понимания того, как происходила трансляция представлений. Если очевидцы заостряли внимание на одежде, языке, запахах, гигиене, продуктах питания, то нарративы потомков содержали несколько иные сюжеты. Частично они встраивались в контексты современной центральноазиатской миграции. Информанты не всегда разделяли то, что им рассказали о трудмобилизованных, и представления о постсоветских мигрантах из Центральной Азии. Большинство информантов изображают «немых» рабочих, которые с большим трудом находили свое место в производственной и бытовой среде уральских городов. Помимо памяти людей существовала своя специфическая проекция этих событий в печатной прессе, где присутствие иноэтничных «других» пытались нормализовать, встроить в нарратив о трудовом подвиге.

Трудмобилизованные в оптике местной печати

Присутствие заметного для горожан и работников предприятий контингента трудмобилизованных необходимо было включить в официальный канон визуальности и героики труда. Воспоминания старожилов свидетельствуют об эпизодических проявлениях неприязненного отношения к прибывшим из Средней Азии. Одними из важных сюжетов, воплощающих нормализацию жизни трудмобилизованных, стали презентация культурно-просветительской работы в их среде и создание «привычных» пространств. Так, для среднеазиатских рабочих в г. Орске действовало не менее десяти чайхан – по каждой на общежитие. Красная чайхана явилась не только заведением общественного питания, но и организованным пространством, олицетворяющим как образ «дома», так и просветительского центра, где происходили общественно-политические беседы и чтение прессы, пили чай, слушали радио и т. д. [Орский рабочий, 1944, 22 января].

Так, в одном из выпусков «Копейского рабочего» поместили фотографию интерьера чайханы жилищно-строительной конторы, где стены украсили степными пейзажами, изображениями арыка и каравана верблюдов. Все это формирует представления о работе полноценного очага культуры для трудмобилизованных. В советском дискурсе религиозная идентичность методично заменялась на национальную, а чайхана становилась социальной и пространственной альтернативой мечети, где рабочие могли «отдохнуть, побеседовать за чашкой чая». Кроме того, такие пространства требовалось представить как место формирования

и поддержания горизонтальных связей между земляками. Они там знакомились, делились новостями и обсуждали планы на мирную жизнь [Копейский рабочий, 1944, 24 сентября]. Фотографии чайханы, где рабочие пили чай, служили визуальным подтверждением повседневной значимости этого пространства [Копейский рабочий, 1943, 31 декабря].

С целью сгладить последствия нежелательных инцидентов с участием трудмобилизованных, публиковались заметки об их трудовых успехах для подтверждения убедительного вклада в достижение общей победы. Публикации в местной печати создавали галерею героев труда не только в виде текстов, публиковались портретные фотографии самих трудмобилизованных. Фотографии, опубликованные в «Копейском рабочем», выдержаны в жанре производственного портрета. Герои фотоматериалов всегда названы по именам и фамилиям, акцент сделан на выполнении нормы на 140–150 %, стахановских подходах к работе. Этническая принадлежность на этом фоне предстает второстепенной или просто как незначительный факт биографии («прибыл из Узбекистана или среднеазиатских республик...»). Так представителей иноэтничных групп включали в круг «своих», нивелируя отличия и мигрантский статус с помощью профессиональной героики. При этом «за кадром» остались многочисленные трудности, о которых рассказали информанты. Фотографии, помещенные в газеты, акцентировали внимание не на опыте трудмобилизованных, а на том, как власти формировали нарратив о «других» в условиях тыла. Иногда этническая принадлежность вовсе не названа, но имена героев публикации явно на нее указывают. В данном случае речь шла о корейцах.

Как сообщали выпуски газеты «Уральский рабочий», «...узбеки, мобилизованные в период войны, составят кадровое ядро для промышленности Средней Азии» [Уральский рабочий, 1945, 25 мая; 29 июня]. Поэтому важным направлением работы с трудмобилизованными, конечно, по возможности стало повышение их профессиональной квалификации. В 1944 г. в прессе появляется тема наставничества и освоения новых профессий. Как отмечал А. Халид, для Узбекистана 1930-х гг. характерной проблемой стало отсутствие своего пролетариата [см.: Халид, 2022], в этом смысле материалы прессы фиксировали сюжеты о том, что трудовые мобилизации, даже принимая во внимание экстремальные условия, теоретически могли решить эту проблему за счет формирования определенной прослойки квалифицированных кадров [Веселкова, 2017]. Демонстрация передачи опыта и ударного труда осуществлялась с помощью публикации соответствующих заметок [Копейский рабочий, 1944, 22 февраля; 1 октября; 26 ноября]. С одной стороны, пресса с помощью иллюстративного материала представляла чайханы как воплощение «дома», а производственные успехи – как доказательство успешной интеграции среднеазиатских рабочих в бытовую и производственную среду уральских городов, а с другой – наблюдается расхождение между официальным нарративом и повседневным опытом, фиксировавшим социальную дистанцию, различные проявления инаковости.

Заключение

Среднеазиатская миграция того периода не оставила материальных следов, но этнокультурное наследие носит нематериальный характер – воспоминания жителей и фотографии, выполняющие функцию трансляции памяти. Движение

вещей и практик между Южным Уралом и Средней Азией в годы войны образовывало эффект транслокальности, а на стыке этих взаимодействий по поводу непривычки к климату, языкового барьера и бытовых проблем, а также воспоминаний жителей об этом происходит пересечение двух локальностей. Хотя изученный массив фотографий ограничен количественно, привлеченные источники позволяют осмыслить создание образов советских тружеников – это нормализация присутствия через репортажи о трудовых успехах и публикацию портретных фото представителей этнических групп региона (узбеки, казахи, корейцы), организацию быта, культурно-просветительской жизни и др. Несмотря на то что партийные органы ставили задачи о проведении национальной политики среди среднеазиатских рабочих, на местах, скорее всего, понимали, что они вернутся в национальные республики, поэтому интеграционные меры реализовывались с определенной управленческой оглядкой на сценарий временного присутствия. *Заметное различие официальных нарративов и результатов интервью демонстрирует, почему материальных следов присутствия трудомобилизованных не сохранилось. За исключением архивных документов, фактически это единственные свидетельства, образующие этнокультурное наследие среднеазиатской миграции в годы войны.* На следующем этапе реализации исследовательского проекта планируется расширение источниковой базы за счет проведения серии интервью в городах Орске, Оренбурге и Магнитогорске, а также привлечение местной периодической печати и музейных фондов.

Источники

- Копейский рабочий. 1943. 31 декабря.
 Копейский рабочий. 1944. 22 февраля.
 Копейский рабочий. 1944. 24 сентября.
 Копейский рабочий. 1944. 1 октября.
 Копейский рабочий. 1944. 26 ноября.
 Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. Челябинск, 2005. 120 с.
 ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 126. 174 л.
 ОГАЧО. Ф. Р. 467. Оп. 4. Д. 863. 211 л.
 Орский рабочий. 1944. 22 января.
 Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп-weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 05.06.2021)
 ПМА 1 – полевые материалы автора, интервью проведено в феврале 2015 г. в г. Челябинске (информант – Эльвира, 1931 г. р.)
 ПМА 2 – полевые материалы автора, интервью проведено в марте 2025 г. в г. Челябинске (информант – эксперт № 1, 1975 г. р.)
 ПМА 3 – полевые материалы автора, интервью проведено в мае 2018 г. в г. Челябинске (информант – Лидия, 1932 г. р.)
 ПМА 4 – полевые материалы автора, интервью проведено в декабре 2016 г. в г. Челябинске (информант – Василий, 1931 г. р.)
 ПМА 5 – полевые материалы автора, интервью проведено в августе 2023 г. в г. Челябинске (информант – Мария, 1932 г. р.)
 ПМА 6 – полевые материалы автора, интервью проведено в феврале 2025 г. в г. Копейске (информант – Полина, 1933 г. р.)
 ПМА 7 – полевые материалы автора, интервью проведено в феврале 2025 г. в г. Челябинске (информант – Юрий, 1931 г. р.)
 ПМА 8 – полевые материалы автора, интервью проведено в феврале 2025 г. в г. Челябинске (информант – Юрий, 1932 г. р.)
 Уральский рабочий. 1945. 25 мая.
 Уральский рабочий. 1945. 29 июня.

Sources

- Author's field materials 1. The interview was conducted in February 2015 in Chelyabinsk (informant – Elvira, born in 1931).*
Author's field materials 2. The interview was conducted in March 2025 in Chelyabinsk (informant – Expert N 1, born in 1975).
Author's field materials 3. The interview was conducted in May 2018 in Chelyabinsk (informant – Lidiya, born in 1932).
Author's field materials 4. The interview was conducted in December 2016 in Chelyabinsk (informant – Vasiliy, born in 1931).
Author's field materials 5. The interview was conducted in August 2023 in Chelyabinsk (informant – Maria, born in 1932).
Author's field materials 6. The interview was conducted in February 2025 in Kopeysk (informant – Polina, born in 1933).

- Author's field materials 7. The interview was conducted in February 2025 in Chelyabinsk (informant – Yuri, born in 1931).*
- Author's field materials 8. The interview was conducted in February 2025 in Chelyabinsk (informant – Yuri, born in 1932).*
- Kopeiskii rabochii [The Kopeisk worker]. 1943, December 31. (In Russ.)*
- Kopeiskii rabochii [The Kopeisk worker]. 1944, February 22. (In Russ.)*
- Kopeiskii rabochii [The Kopeisk worker]. 1944, September 24. (In Russ.)*
- Kopeiskii rabochii [The Kopeisk worker]. 1944, October 1. (In Russ.)*
- Kopeiskii rabochii [The Kopeisk worker]. 1944, November 26. (In Russ.)*
- Natsionalnyi sostav naseleniya Chelyabinskoi oblasti po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [The national composition of the population of the Chelyabinsk region according to the results of the All-Russian population Census of 2002]. Chelyabinsk, 2005, 120 p. (In Russ.)*
- Obiedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk Region]. Fund P-288, Inventory 7, File 126, 174 p. (In Russ.)*
- Obiedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk Region]. Fund P. 467, Inventory 4, File 863, 211 p. (In Russ.)*
- Orskii rabochii [The Orsk worker]. 1944, January 22. (In Russ.)*
- Perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, and 15 newly independent states]. *Demoskop-weekly*.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)
- Uralskii rabochii [The Ural worker]. 1945, May 25. (In Russ.)*
- Uralskii rabochii [The Ural worker]. 1945, June 29. (In Russ.)*

Список литературы

- Авдашкин А. А. Трудмобилизованные из Средней Азии на Урале во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: характеристика архивных источников и попытка переосмысления ракурсов // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1056–1066. <https://doi.org/110.28995/2073-0101-2023-4-1056-1066>
- Веселкова Н. В. (Им)мобильность в настроениях советских людей: эвакуированные и трудмобилизованные на Урале 1940-х гг. // Социологический журнал. 2017. № 2. С. 115–135. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5164>
- Голдман В., Фильцер Д. Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. 712 с.
- Гончаров Г. А. Все мобилизуемые немцы... организуются в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР // Magistra Vitae. 2017. № 2. С. 37–41.
- Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и трансллокальность. М.: Нов. лит. обозрение, 2021. С. 14–29.
- Киссер Т. С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 371 с.
- Потемкина М. Н., Колдомасов И. О., Жаркынбаева Р. С. Организация и условия производственной деятельности трудмобилизованных из Среднеазиатского военного округа на Урале в 1942–1944 гг. // Oriental Studies. 2025. Т. 18, № 5. С. 1023–1033. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-81-5-1023-1033>
- Халид А. Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. СПб.: Academic Studies Press, 2022. 623 с.
- Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 гг. Челябинск: Цицеро, 2018. 206 с.
- Khan V. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // International Journal of Central Asian Studies. 2006. Vol. 11. P. 59–71
- Siegelbaum L. H., Moch L. P. Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union // Slavic Review. 2016. Vol. 75, N 4. P. 970–986. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970>
- Zharkynbayeva R. Labor mobilization of population from Central Asia during World War II: conscription, dislocation, and conditions of life and work (on examples from the Kazakh SSR) // The Journal of Slavic Military Studies. 2021. Vol. 34, N 4. P. 558–579. <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040845>

References

- Avdashkin A. A. Trudmobilizovannyye iz Srednei Azii na Urale vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: kharakteristika arkhivnykh istochnikov i popytka pereosmysleniya rakurov [Mobilized laborers from Central Asia in the Urals during the Great Patriotic War of 1941–1945: characteristics of archival sources and an attempt to rethink perspectives]. *Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]*. 2023, Is. 4, pp. 1056–1066. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-4-1056-1066> (In Russ.)
- Goldman V., Filtser D. *Krepost temnaya i surovaya: sovetskii tyl v gody Vtoroi mirovoi voiny [A dark and harsh fortress: the Soviet rear during World War II]*. Transl. from English by T. Pirusskaya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 712 p. (In Russ.)
- Goncharov G. A. Vse mobilizuyemye nemtsy... organizuyutsya v rabochie kolonny pri ispravitelno-trudovykh lageryakh NKVD SSSR [All mobilized

- Germans... are organized into labor columns in the corrective labor camps of the USSR NKVD]. *Magistra Vitae*. 2017, Is. 2, pp. 37–41. (In Russ.)
- Kapustina E., Borisova E. Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [Review of the theoretical discussion on the concept of transnationalism]. *Zhit v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokalnost [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 14–29. (In Russ.)
- Khalid A. *Sozdanie Uzbekistana. Natsiya, imperiya i revolyutsiya v rannesovetskii period [The making of Uzbekistan: nation, empire and revolution in the early Soviet period]*. St. Petersburg, Academic Studies Press, 2022, 623 p. (In Russ.)
- Khan V. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem). *International Journal of Central Asian Studies*. 2006, Vol. 11, pp. 59–71.
- Kisser T. S. *Nemtsy Urala: etnoistoriya i identichnost [The Germans of the Urals: ethnic history and identity]*. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2019, 371 p. (In Russ.)
- Potemkina M. N., Koldomasov I. O., Zharkynbayeva R. S. Labor Conscripts from Central Asian Military District in the Urals, 1942–1944: Work Arrangements and Conditions. *Oriental Studies*. 2025, Vol. 18, Is. 5, pp. 1023–1033. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-81-5-1023-1033> (In Russ.)
- Shmyrov B. D. *Trudmobilizovannye Sredneaziatskogo voennogo okruga na Yuzhnom Urale v 1942–1945 gg. [Mobilized laborers of the Central Asian Military District in the Southern Urals in 1942–1945]*. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2018, 206 p. (In Russ.)
- Siegelbaum L. H., Moch L. P. Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*. 2016, Vol. 75, N 4, pp. 970–986. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970>
- Veselkova N. V. (Im)Mobility in the Mood and Attitudes of Soviet People: Evacuated and Labor Mobilized Individuals in the Urals, 1940's. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017, Vol. 23, N 2, pp. 115–135. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5164> (In Russ.)
- Zharkynbayeva R. Labor mobilization of population from Central Asia during World War II: conscription, dislocation, and conditions of life and work (on examples from the Kazakh SSR). *The Journal of Slavic Military Studies*. 2021, Vol. 34, N 4, pp. 558–579. <https://doi.org/10.1080/13518046.2022.2040845>

Сведения об авторе

Авдашкин Андрей Александрович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УрО РАН; Россия, 614000, г. Пермь, ул. Ленина, 13А

старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; Россия, 119334, г. Москва, Ленинский просп., 32А

e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Information about the author

Avdashkin Andrei Alexandrovich

Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute for Humanities Research of Ural Branch RAS; 13A, Lenin st., Perm, 614000, Russian Federation
Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 32A, Leninsky av., Moscow, 119334, Russian Federation
e-mail: adrianmaricka@mail.ru